

Ната Павловна Ефремова

НОВОЕ О ЕКАТЕРИНЕ БАРТЕНЕВОЙ

13 декабря 1890 г. в Петербурге полицейские произвели обыск в д. № 19 по ул. Кирилловской, в квартире поручика Бартенева. Они застали там Екатерину Григорьевну Бартеневу и ее сына Виктора¹. Сын, удлучив момент, взял со стола какие-то записки и бросил их в печь. Полицейские опомнились, когда от бумаг осталась только горсть пепла. Жандармы потребовали объяснить, что это было. «Тетрадь со стихотворениями Рыльева, Огарева и некоторых других поэтов, — ответил Виктор. — Я записал их 3—4 года назад... Списал с рукописи, которую, уже не помню от кого, на время достал»². Жандармов не заинтересовали тогда стихотворения тех, кого уже не было в живых. Они искали доказательства связи Бартеневой с революционерами.

Вчитываясь сегодня в архивные документы, находишь все новые штрихи ее биографии. Известное как бы открывается в ином свете, если посмотреть на него сквозь призму описанного полицейского обыска. Возникает возможность увидеть, как разворачивался непродолжительный, но напряженный поединок между революционеркой и полицией. В числе найденных при обыске документов оказалась рукопись, начинавшаяся словами: «Только первый номер «Народного дела» был выпущен при участии Бакунина». Рукопись носила фрагментарный характер: не хватало начала, не было конца. Полиция не задалась, однако, вопросом, существовала ли первая часть рукописи и куда она девалась. 30 с лишним лет спустя ленинградский историк И. С. Книжник-Ветров получил от младшего сына Бартеневой страничку, озаглавленную «История одного детства»³: автобиография Екатерины Григорьевны.

Она рассказывала, как росла в небогатой дворянской семье, получив типичное для того времени воспитание; вспомнила гувернантку, которая дала ей хорошее знание иностранных языков; живо рисовала уклад жизни с контрастами бедности и роскоши; определяла значение знакомства в детстве с бытом крепостных для формирования своей гражданской зрелости. Благодаря произведениям передовых писателей она восприняла революционно-демократические идеалы. Кате не было и 10 лет, когда, сидя в кругу родных, она слушала историю крепостной актрисы, рассказанную А. И. Герценом в «Сороке-воровке». После знакомства с этим романом для нее «поблуднело все, что нравилось до той поры»⁴.

Для девушки не были тайной демократические симпатии отца, который цитировал наизусть «Горе от ума» А. С. Грибоедова, лермонтовского «Демона», стихотворения К. Ф. Рыльева. Юность Екатерины совпала со временем, когда раскрылся революционный и публицистический талант Н. Г. Чернышевского. Всю оставшуюся жизнь, по свидетельству современника, для нее «Чернышевский... был непрерываемым авторитетом»⁵. Семейное предание свидетельствует о том, что по важнейшим вопросам она советовалась лично с Чернышевским. К сожалению, об этом нет сведений в ее рукописях: «История одного детства» обрывается именно на этом этапе жизни. Сохранись отсутствующие страницы воспоминаний до наших дней, они оказались бы важным документом для постижения того, как формировалось мировоззрение Бартеневой, и для установления ее связей в революционном лагере 1860-х годов.

Кто познакомил Бартеневу с революционной молодежью? Кто помог ей эмигрировать в пору реакции конца 60-х годов, последовавшей в России после покушения

¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 7-е д-во, оп. 187, д. 225, т. 1, лл. 312, 312об.

² Там же, л. 340.

³ Государственная публичная библиотека (ГПБ) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел, ф. 1000, оп. 94, д. 2.

⁴ Там же, л. 83.

⁵ Былое, 1921, № 16, с. 161.

на Александра II студента Д. В. Каракозова? Кто принял ее с мужем в Швейцарии и помог там обосноваться? Рукопись молчит об этом. Ничего не проясняет и корреспонденция, подготовленная Бартевоей для какого-то издания, хотя подтверждает политический смысл поездки за границу: «Я ехала не любоваться на горные вершины, не наслаждаться природой, — меня интересовали люди»⁶.

В той части воспоминаний, которую при обыске изъяли жандармы, ничего не говорилось о революционном подполье в России. Они бегло просмотрели рукопись и больше к ней не возвращались. А то, что Бартеоева рассказывала о своей эмиграции, жандармам было в целом известно. Не составлял для них секрета и круг лиц, гонимых царизмом, который собрался тогда в Женеве: Н. И. Утин, бывший член подпольной революционной организации 60-х годов «Земля и воля» и живший в Женеве со своей женой Н. И. Корсини, его слодвижницей по студенческому движению; А. Д. Трусов, участник польского восстания 1863 г.; Е. Л. Томаповская — урожденная Кушелева, заключившая фиктивный брак, чтобы, получив паспорт и уехав за границу, присоединиться к революционной эмиграции.

Екатерина Григорьевна стала в Женеве одним из организаторов свободной русской прессы. С этого момента вся ее деятельность находила отражение прежде всего в публицистике. Именно на этой стороне дела мы и остановимся ниже, поскольку она не привлекала еще специального внимания исследователей⁷. Представительница того поколения, которое было разбуждено набатом герценовского «Колокола» и воспитано на творчестве В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, Екатерина Григорьевна ощущала тягу к вольному печатному слову и понимала важность подпольной прессы для России. В Женеве она еще застала в живых А. А. Серно-Соловьевича, талантливого революционера, наследника дела Герцена и Чернышевского. В рядах эмиграции и среди женевских рабочих его ценили как выдающегося организатора и незаурядного публициста. Его женевские товарищи писали, что он хотел объединить усилия эмиграции с борьбой «друзей-пропагандистов в России», и если это не удалось сделать до конца, то во многом «вследствие... недостатка материальных и авторских сил для создания самостоятельного органа»⁸. Российская эмиграция приходила к выводу, что добиться успеха не позволила, в частности, недостаточно развитая пропаганда⁹. Это побуждало группу Утина искать печатную трибуну, обращенную к революционному подполью на родине, ослабленному репрессиями, но продолжавшему держаться и собирать новые силы.

В то время М. А. Бакунин начал издавать в Женеве журнал «Народное дело». Он звал русскую молодежь «отдаться безраздельно разрушению постоянному, безостановочному, неслабому, идущему крендом до тех пор, пока не останется ничего из существующих общественных форм»¹⁰. Тщетно, однако, было бы искать в его программе позитивные задачи. Эту ущербность бакунизма быстро почувствовали эмигранты во главе с Утиным. Они смотрели не только назад, где Бакунин виделся как главная фигура мужик с дубиной, а обратили взгляды и на рабочее движение западных стран, познакомились с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса. Существует версия, согласно которой Бартеоева в начале пребывания за границей сотрудничала с Бакуниным и разделяла его взгляды. Любопытно, однако, что сам Бакунин это опровергал. Обидевшись, что Утин не приглашал его на собрания своей группы, Бакунин строил на этот счет различные догадки и обвинял всех, исключая В. И. Бартеоеву, «в неблагоприятности», потому что лично его не знал¹¹. Можно предположить, что Бакунина не знала и Екатерина Григорьевна. Во всяком случае, никаких прямых свидетельств их сотрудничества в доступных нам материалах нет.

⁶ ГПБ, Архив Дома Плеханова, ф. 352, оп. 1, д. 345, лл. 1—2.

⁷ Общие данные о биографии Бартеоевой см.: Книжник-Ветров И. С. Русские деятели Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М.—Л. 1964. Напоминать лишь об отдельных фактах: основательница вместе с Утиным Русской секции I Интернационала; сотрудник «Отечественных записок»; пропагандистка по поручению марксистской группы М. И. Бруснева; друг А. И., В. И. и О. И. Ульяновых; секретарь I конгресса II Интернационала.

⁸ Народное дело, 1869, № 7—10, с. 110.

⁹ Там же, с. 130—131.

¹⁰ Бакунин М. Речи и воззвания. СПб. 1906, с. 249.

¹¹ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб. 1906, с. 329.

В те же годы началась для Бартеоевой «тайная война» с русской полицией. Жандармская агентура выследила ее в Петербурге, куда она приезжала, чтобы посоветоваться с участниками революционных кружков о распространении в России издания, которое предполагалось печатать в Женеве¹². Речь шла о «Народном деле». В его редакции Утину удалось перехватить у Бакунина инициативу, и с № 2 издание стало выразителем революционно-демократических идей в духе Чернышевского, а кое в чем даже переходило на позиции научного социализма¹³. Царская охранка не могла, однако, предъявить Бартеоевой обвинения как автору революционных статей: материалы в «Народном деле» печатались без подписей. Практически же касательно большинства публикаций можно утверждать, что они принадлежали либо Утину, либо Бартеоевой. Трусов исполнял обязанности секретаря редакции, вел большую организационную работу, при необходимости помогал в типографии набирать текст, т. к. ранее изучал печатное дело в Париже.

Из числа авторов «Народного дела» выпадает одна из участниц группы Утина, О. С. Левашова, которая вообще не проявила себя как публицистка ни в одном издании. То же относится к В. И. Бартеоеву. У Е. Л. Томаповской преобладал ораторский талант, писать она тогда только начинала, из печатных ее работ известны лишь страницы коллективно составленных воззваний времени Парижской Коммуны 1871 года. Нет никаких упоминаний о сотрудничестве в каком-либо печатном органе и Корсини. Что касается Утина, то он принимал за революционно-публицистическую деятельность еще в начале 60-х годов под руководством Чернышевского. Известно, что Утин издавал листовки от имени «Земли и воли»¹⁴ и выступал на страницах некраповского «Современника». Судя по стилю изложения, в «Народном деле» Утину принадлежит отчет о Базельском конгрессе I Интернационала, статья «Русское социал-революционное дело и его соотношение с рабочим движением на Западе»¹⁵.

Редакция «Народного дела» стремилась, чтобы издание было доступным по содержанию широким кругам разночинного читателя с преобладанием молодежи, недостаточно подготовленной теоретически. В большинстве случаев этого удалось достигнуть именно благодаря Бартеоевой. Сопоставляя уже известные ее публикации с корреспонденциями «Народного дела», легко прийти к выводу, что из-под ее пера вышла статья о роли Интернационала в развитии стачечного движения¹⁶. Возможно также, что Екатерина Григорьевна являлась автором материалов, в которых ставился вопрос о соотношении революционного действия и теории. «Народное дело» предостерегало молодежь от рецидивов нигилизма, от невежества, ибо оно никогда не сможет служить делу освобождения народа, призвало своих соратников изучать теорию революционной борьбы, осваивать историю революционного движения в России и других странах, глубже постигать народные интересы, ибо «никакое революционное действие помимо народа и без народа немислимо»¹⁷. «Мы, сами по себе, ничто вне народа, — писали издатели журнала, — но в союзе с народом мы сила и в его рядах мы — несокрушимая сила, которая сломит существующую систему»¹⁸. Изучение же истории необходимо потому, что оно «делает нас опытным чужим братским опытом»¹⁹. Эти постоянные обращения редакции к молодежи не случайны: на смену революционному поколению 60-х годов поднималась новая поросль, будущие народники. Отметим, что в статьях «Народного дела» неизменно чувствуется некоторая дистанция, отделяющая авторов от их младших соратников, — еще один признак принадлежности статей тем, кому было уже за 30, т. е. Утину и Бартеоевой.

После вышеупомянутого обыска Бартеоевой пришлось написать на имя директора Департамента полиции П. Н. Дурново объяснительную записку²⁰. Уже обращалось

¹² ЦГАОР СССР, ф. ДП, III отд., 1889 г., д. 726, л. 106.

¹³ Подробнее см.: Логачев Г. В. Философские и общественно-политические позиции Русской секции I Интернационала. Воронеж. 1969.

¹⁴ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. 1958, с. 310—311.

¹⁵ Народное дело, 1869, № 7—10, с. 112, 127.

¹⁶ Вопрос, однако, пока спорен.

¹⁷ Народное дело, 1869, № 3, с. 3.

¹⁸ Там же, № 4—6, с. 68.

¹⁹ Там же, с. 64.

²⁰ ГПБ, Архив Дома Плеханова, ф. 352, оп. 1, д. 445, лл. 1—10.

внимание на то, что Бартечева указывала полиции на 1869 г. как на начало своей литературной деятельности. Но никаких прямых работ Бартечевой за этот год найти не удалось²¹. Остается полагать, что она подразумевала свое анонимное участие в «Народном деле». Конечно, Екатерина Григорьевна вовсе не хотела подвести Дурново к мысли о своей работе в «Народном деле». Если бы ей пришлось уточнять, в каких изданиях она печаталась тогда, она могла бы назвать, например, газету «Неделя», издаваемую известной общественной деятельницей, поборницей женского равноправия В. И. Конради. С нею Бартечева познакомилась в дни своего приезда из Женевы в Петербург. Бартечеву видели в редакции у Конради и слышали, что она объясняла свое посещение желанием передать для печати статьи, причем ссылаясь на затруднительное материальное положение.

Но Бартечева не знала, что в архиве Департамента полиции находилась справка, в которой указывалась ее цель ее пребывания в Петербурге: она и Левашова «подзревались в устройстве здесь секции Интернационального общества»²². Их подозревали, но прямых улик не имели. Жандармы сдали донесение в архив²³. Между тем полицейское донесение явилось отзвуком реальной действительности. В 1870 г. русская революционная группа в Женеве получила согласие Генерального совета I Интернационала принять ее в Международное товарищество рабочих на правах секции²⁴. «Народное дело» превратилось, по существу, в орган этой секции и объявило, что ставит своей целью «связать прочным образом с социально-революционным движением в Западной Европе движение, начинающееся... в России»²⁵. Здесь Утин и Бартечева выступали как продолжатели замысла Герцена и Огарева, которые в 1867 г. во французском издании «Колокола» поставили задачу дать анализ соотношения русской освободительной борьбы с социалистическими течениями и рабочим движением в Европе²⁶. Как достигалась поставленная цель на практике, известно из специальных исследований²⁷.

В развернувшейся борьбе Бартечева избрала сочетание нелегальной работы с возможностями открытой печати. Ей удалось опубликовать в газете «Неделя» серию статей о рабочем движении в Швейцарии и развитии Интернационала²⁸. Эти статьи еще не привлекали серьезного внимания исследователей. А они примечательны тем, что показывают своеобразную идейную зрелость Бартечевой и рост ее публицистического мастерства. Если в первых выпусках «Народного дела» термин «пролетариат» употреблялся для обозначения наимущих категорий трудящихся, то в статьях Екатерины Григорьевны на страницах «Недели» уже подчеркивается его рабочая специфика и классовая способность действовать не только во имя собственных интересов, но и ради всеобщего освобождения трудящихся, способность решать «задачи целого человечества»; диктатура пролетариата приблизит торжество общества, о котором можно будет сказать, что оно «стремится стать народом без подразделения его на классы»²⁹. Формулировки Бартечевой не всегда точны, но в ее статьях уже налицо верность духу научного социализма. Достичь этого удавалось тогда очень немногим русским революционерам. Жандармы же не смогли обнаружить имя Бартечевой и на страницах «Недели»: статьи печатались без подписи, а ее авторство стало известно только в 1914 году³⁰.

²¹ Катгорга и ссылка, 1929, № 11, с. 47.

²² ЦГАОР СССР, ф. ДП, III отд., 3-я экзп., 1876 г., д. 193, л. 100б.

²³ Отсутствие точных данных на этот счет привело к тому, что в течение некоторого времени советским историкам казался спорным вопрос, были ли у группы Утина и далее у Русской секции I Интернационала связи с революционным подпольем в России? (Козьмин и Б. Русская секция Первого Интернационала. М. 1957, с. 226—227). Последствиями были введены в научный оборот новые материалы, уточняющие размах этих связей (Итенберг Б. С. Первый Интернационал и революционная Россия. М. 1964).

²⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967, с. 170.

²⁵ Народное дело, 1870, № 1, с. 3.

²⁶ Рудницкая Е. Л. Французский «Колокол» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.— Вопросы истории, 1981, № 7, с. 16сл.

²⁷ Итенберг Б. С. Ук. со.

²⁸ Неделя, СПб, 1870, №№ 28—35.

²⁹ Там же, № 28, с. 937.

³⁰ См. некролог о Бартечевой (День, 31.VIII.1914).

Чтобы частично усыпить бдительность цензуры, Екатерина Григорьевна использовала традиционный жанр — рецензии на книжные новинки. Однажды поводом для обращения к читателям она избрала книгу «Четвертое сословие, или пролетариат»³¹. Книга появилась в печати почти за три года до того, и ознакомление публики с ее содержанием не имело особого смысла, зато внимательный читатель мог найти для себя под этим «прикрытием» нечто существенное: автор, отталкиваясь от некоторых положений рецензируемого издания, обстоятельно излагал взгляды на классовую сущность пролетариата, его историческую роль и на значение I Интернационала. В противовес всяческому упоминаниям об Интернационале, которые появлялись в русской прессе с конца 60-х годов, Бартечева развернула картину содержания работы, целей и организационной структуры Международного товарищества трудящихся, показывая, что это — не заговорщическая секта, а организация самого пролетариата, наиболее полно выражающая интересы всех трудящихся³². На стороне пролетариата находятся симпатии передовой интеллигенции, но не ей принадлежит в движении главная роль: именно «рабочие и составляют ту закваску», которая вызывает активность других слоев населения³³. С Интернационалом единение рабочих вступило в «новую фазу», ибо под его знаменами собрались рабочие всех стран без различия профессий и национальностей.

Автор подробно останавливался тоже на задачах секций Интернационала как первичных ячеек международной организации. Такое описание имело для русских читателей не только познавательное значение: то была информация инструктивного характера. Но служила революционным силам России, которые стремились объединиться и внутри страны, и в международном аспекте. Интернационал, писала Екатерина Григорьевна, насчитывает до 2 млн. рабочих; «такой быстрый рост несомненно доказывает необыкновенную силу и жизнеспособность принципов, лежащих в основании ассоциации, пригодность для данного момента, сознаваемую всеми»³⁴. Этот текст ее пятой статьи в газете носил наиболее открытый агитационный характер. Очевидно, он насторожил цензуру, и публикация новых статей была приостановлена. Хотя редакция поместила примечание, что продолжение следует, оно не появилось (не по вине автора).

Когда в 1890 г. жандармы были у Бартечевой с обыском, эти события 20-летней давности вряд ли их интересовали. Тем не менее полицейские чины располагали справкой, в которой значилось: «Бартечева в сообществе с несколькими лицами принимает участие в издании какого-то еженедельного листка... в котором помещает тенденциозные статьи об умственном движении как в России, так и в Европе»³⁵. Департамент полиции поставил целью заполучить экземпляр листка в качестве улики против Бартечевой, однако тщетно. Зато на почте была перехвачена корреспонденция Бартечевой, в которой рассказывалось о студенческих беспорядках в Москве и в Петербурге. К корреспонденции было приложено письмо Бартечевой на имя сотрудника венгерской газеты «Pester Lloyd» Патаки с просьбой опубликовать материал. «В обоих документах,— значилось в полицейском заключении,— резко порицается образ действия нашего правительства и меры, принятые для подавления беспорядков»³⁶.

Бартечевой пришлось написать объяснение. «Работы мои в иностранной печати,— сообщила она,— начавшиеся переводами на французский язык русских образцов писателей, были вызваны необходимостью, а именно, крайним уменьшением моего прежде значительного заработка... Заботы о семье были главной побудительной причиной, заставившей меня заниматься литературным трудом»³⁷. Далее она позволила себе более льготный, чем у нас, то корреспонденция моя могут казаться странным резким по форме у нас в России, хотя они несравненно умереннее того, что дозволяется иностранной печатью»³⁸. Наряду с объяснительной запиской в ее деле есть справка о

³¹ Неделя, 1870, № 28, с. 936—939.

³² Там же, № 35, с. 1156.

³³ Там же, с. 937.

³⁴ Там же, с. 1155.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. ДП, III отд., 1889 г., д. 726, л. 10.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 92, д. 10870, л. 30.

³⁷ ГПБ, Архив Дома Плеханова, ф. 352, оп. 1, д. 445, л. 3.

³⁸ Там же, л. 2.

том, что землю, доставшуюся ей по наследству в нескольких губерниях, Бартењева раздала крестьянам. После падения крепостного права Екатерина Григорьевна действительно отдала крестьянам землю. Тогда же за ней усилилась слезка, и ей даже отказали в паспорте для выезда за границу³⁹.

Жандармов заинтересовала обнаруженная при обыске визитная карточка американца Дж. Кеннана. Книгу этого известного путешественника «Сибирь и ссылка» правительство расценило как революционный выпад⁴⁰. После выхода ее в свет автор общал друзьям, что она вызвала поток писем «с выражением сочувствия русским революционерам и презрения к царскому правительству»⁴¹. Это побудило Кеннана осуществить публикацию материалов, которые поступали к нему из России, и он «усердно работал... для дела русской свободы»⁴². Какая связь была здесь с Бартењевой? Отвечая жандармам, Екатерина Григорьевна обратилась к своей родословной и написала: «Визитная карточка Дж. Кеннана находится у меня потому, что он сделал мне визит, кажется, в 1885 году, когда он возвратился из путешествия своего из Сибири, где ему говорили, что у меня хранятся воспоминания деда моего Семена Богдановича Броневского, бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири. Рукописи у меня не оказались»⁴³. Для охраны осталось тайной, что через Бартењеву к Кеннану поступали материалы, обличавшие царизм⁴⁴.

У Бартењевой нашли при обыске также запись, касавшуюся народовольческой группы А. И. Ульянова с товарищами. Александра Ильича уже не было в живых, зато в бумагах Бартењевой обнаружил чертёж «взрывчатого снаряда». «Сколько мне помнится, — сказала хозяйка квартиры, — на сделанном мне рисунке не было никаких письменных объяснений», а «почерк... мне неизвестен»⁴⁵. Когда ее спросили, кто дал ей чертёж, она ответила, что не может этого вспомнить.

Между тем знакомство А. И. Ульянова с Бартењевой подтверждала такой авторитетный свидетель, как А. И. Ульянова. Она сообщила там же: «Мой муж — Марк Тимофеевич — бывал у самой Екатерины Григорьевны»⁴⁶. Как известно, М. Т. Елизаров и А. И. Ульяновы были близкими друзьями.

В ходе допроса самым сложным для Бартењевой оказалось уйти от обвинения в связи с народовольческим кружком в Париже⁴⁷. Екатерина Григорьевна объяснила, что в 1889 г. поехала в Париж, получив согласие редакции газеты «Новости» на публикацию материалов о выставке. Газету редактировал О. К. Нотович, который говорил, что «Новости» становятся настоящим изданием «всякого русского интеллигентного человека»⁴⁸. Бартењева уже имела опыт работы в этой газете, где с конца 70-х годов она занималась переводами и вела иностранную политическую хронику. Кроме того, она подстраховала себя и с другой стороны: вела связанную с устройством русского отдела выставки переводческую работу, которую ей предоставил Е. Н. Андреев⁴⁹, многое сделавший для развития в России профессионального образования, основавший первые специальные школы для рабочих и несколько технических училищ. Посылая корреспонденции с выставки, Бартењева умело писала о пролетариях. Рассказывая о торжественном открытии выставки, она обращала внимание читателей на то, что в нем приняли участие различные рабочие общества и объединения, и подчеркивала важность организованных действий пролетариата⁵⁰.

В те дни Екатерина Григорьевна посетила героиню Коммуны Л. Мишель⁵¹, но опубликовать рассказ о встрече с ней смогла лишь через несколько лет под псевдонимом,

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 92, д. 10870, л. 30б.

⁴⁰ Подробнее см.: Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма. М. 1981.

⁴¹ Степняк-Кравчинский С. М. В лондонской эмиграции. М. 1968, с. 228.

⁴² Там же, с. 227.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 7-е д-во, 1899 г., д. 225, т. 1, лл. 305, 309.

⁴⁴ Каторга и ссылка, 1929, № 11, с. 49.

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 7-е д-во, оп. 187, д. 725, л. 272.

⁴⁶ Фотокопия письма от 26.X.1929 в архивном деле И. С. Книжника-Ветрова (ГПБ. Архив Дома Плеханова, ф. 352, оп. 1, д. 1973).

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 92, д. 10870, л. 3.

⁴⁸ Русачев Н. С. На родине, 1859—1882. М. 1931, с. 176—177.

⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 1889 г., д. 725, лл. 272, 272об.

⁵⁰ Новости, 1889, № 180, с. 1.

⁵¹ Каторга и ссылка, 1929, № 11, с. 45.

мом, содержание же их беседы передавалось от лица американской журналистки⁵². В жанре путевых заметок Бартењева доносила до русских читателей опыт борьбы французского пролетариата. Под живым впечатлением от контактов с участниками и очевидцами Коммуны был написан и другой очерк — о продавщице газет, которая каждый год в день гибели последних защитников Коммуны приходила на кладбище Пэр-Лажез, чтобы почтить память своего сына и его товарищей⁵³. Материалы Бартењевой касались также проходившего в Париже Международного женского конгресса, споров о предназначении женщин и борьбе за их равноправие⁵⁴. Главное же, что интересовало тогда Бартењеву в Париже, заключалось в I конгрессе II Интернационала. Год спустя в качестве одного из главных обвинений против Бартењевой жандармы выдвинули именно ее участие в этом конгрессе. Она ответила им так: «Мне кажется, что самый факт моего открытого присутствия на конгрессе, в зале, переполненной публикой, в числе которой могли быть и наши полицейские агенты, достаточно доказывает, что я не имела оснований скрываться. У самой эстады сидели корреспонденты различных европейских газет, не исключая и нашего «St. Pétersbourg»⁵⁵.

Бартењева возвращалась из Парижа не с пустыми руками: она запаслась материалами конгресса, газетами, освещавшими его заседания и вообще рабочее движение. Она знала, что на границе ей предстоит предъявить жандармам багаж. Еще при отъезде Екатерины Григорьевны из России Департамент полиции разослал на все пограничные пункты предписание, чтобы при возвращении Бартењевой «произвести тщательный досмотр» ее вещей⁵⁶. Обыскали ее тщательно, но «нелегалы» не обнаружили. И все же в те дни жандармам попала в руки одна улика: из Парижа Екатерина Григорьевна отправила мужу письмо, в котором открытым текстом излагала намерение сотрудничать в иностранной рабочей печати; она писала, что в Париже ее пригласили на встречу журналистов, где она открыла зарубежным товарищам свои истинные убеждения. Венгерские социалисты предложили ей сотрудничать в своих изданиях. Под впечатлением этой новости она неосторожно сообщила в письме: «После всех мытарств у Нотовичей и проч. я уша своим не верила, когда мне предлагали человеческий труд, а не истязание; я просто не помню себя от радости писать, как хочу»⁵⁷. Вернувшись в Петербург, она начала посылать корреспонденции в иностранные издания радикального направления. Последняя ее корреспонденция была опубликована в дни, когда в Петербурге по ее делу уже шло следствие.

Полиция располагала также данными об участии ее в заседаниях социалистического конгресса: ей доверяли войти в состав секретариата. Жандармам она объяснила это так: попросили заняться секретарской работой, поскольку знали, что хорошо владеет иностранными языками, а она не отказалась ради получения материалов для публикации в «Новостях». Истинная роль ее на конгрессе состояла в том, что она считалась делегаткой от русских рабочих: об этом упоминалось в газетах, но фамилии пославших ее жандармам не были известны. Бартењева никого не назвала: «Делегатом от рабочей группы в России на конгрессе я не была. Но было получено мною в Париже заявление от русской рабочей группы о желании выразить сочувствие стремлениям западных рабочих в деле улучшения материального быта и нравственного уровня рабочего класса. Заявление это было передано мною в бюро конгресса одному из секретарей — г. Лафаргу, который предложил мне, как лицу более знакомому с положением в России, разделить с ним представительство от рабочей группы, которой я не знала. И так как я не могла назвать местности, из которой присланы полномочия, то русские эмигранты отказались утвердить полномочия лица, им неизвестного»⁵⁸.

Только позднее было уточнено, как конкретно участвовала Екатерина Григорьевна в работе конгресса. Член группы Бруснева В. С. Голубев сообщил: «Я знал, что в Париж на этот конгресс едет одна русская социалистка, писательница Е. Г. Бартењева. В разговоре с нею по поводу этого конгресса явилась у нас мысль послать приветст-

⁵² Русское богатство, 1893, № 8, с. 140—141.

⁵³ Там же, № 5, с. 58—60.

⁵⁴ Новости, 1889, № 193, с. 2.

⁵⁵ ГПБ, Архив Дома Плеханова, ф. 352, оп. 1, д. 445, л. 8.

⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, III отд., оп. 85, д. 211, лл. 4—4об.

⁵⁷ Там же, 7-е д-во, 1890 г., д. 225, т. 1, л. 241.

⁵⁸ Каторга и ссылка, 1929, № 11, с. 53.

вие и от русских рабочих. Я сообщил об этом своим знакомым рабочим, которые встретили эту мысль с большим сочувствием»⁵⁹. Предложение одобрили, стали думать о посылке делегата, но возникли трудности: отсутствие необходимых средств и вероятность ареста делегата на обратном пути. В связи с этим у Бартеңевой появилось намерение поехать в Париж самой.

После конгресса связи Бартеңевой с петербургскими рабочими окрепли. Существует свидетельство, что она хранила у себя на квартире кассу брусневской организации, в которую стекались денежные взносы рабочих⁶⁰. Какие же пути привели ее к рабочим организациям? Это отчасти становится ясным из биографии ее старшего сына Виктора, который тоже стал революционером. Когда 1 марта 1881 г. народолюбцы совершили покушение на Александра II, он учился в гимназии. Повзрослев, осознал, сколь трагическим было отдаление горстки самоотверженных борцов от народа, во имя которого они жертвовали жизнью⁶¹. В 1885 г. Бартеңев поступил в Петербургский университет, увлекся изучением социальных проблем. На квартире у Бартеңевых устраивались чтения запрещенной литературы⁶², и в то же время Виктор участвовал в кружке, где он познакомился с А. И. Ульяновым⁶³. Товарищи Ульянова имели связи с рабочими брусневской организации⁶⁴, а Бруснев говорил, что Виктор «был полезный человек в кружковой деятельности»⁶⁵, помогал рабочей организации, «привлекал интеллигентов из многочисленных студенческих кружков, в которых он вращался»⁶⁶. От провокаторов полиция узнала, что Бартеңев вел пропаганду среди рабочих, скрываясь под фамилией Исагина⁶⁷.

В 1891 г. Екатерина Григорьевна помогла рабочим встретиться с тяжело больным передовым писателем Н. В. Шелгуновым, чтобы вручить ему приветственный адрес⁶⁸. Когда Шелгунов умер, сотни рабочих и студентов вышли на его похороны, превратив их в политическую демонстрацию. В ней участвовал и Виктор⁶⁹. Жандармы называли его в числе «главных коноводов» вместе с братьями Красиными⁷⁰. Последовало «высочайшее повеление» выслать Бартеңева под надзор на четыре года в Тобольскую губернию⁷¹. Это произошло спустя несколько месяцев после вышеописанного обыска на его квартире. В ту пору Екатерина Григорьевна входила в т. н. Петербургский интеллигентский центр брусневской организации (наличие в ней двух центров — рабочего и интеллигентского — диктовалось тактикой борьбы в трудных условиях реакции⁷²). Бартеңева вела занятия в рабочих кружках. У нее имелось множество обнаруженных при обыске подготовленных материалов, включая газетные вырезки с сообщениями о борьбе зарубежного рабочего класса. Этими материалами пользовался и Виктор, знакомый рабочих Электротехнического завода с историей революционного движения. Екатерину Григорьевну часто видели на конспиративной квартире, где готовились кадры рабочих-пропагандистов.

Бруснев писал: «Бебель был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских деятелей»⁷³. Бартеңева встречала А. Бебеля на конгрессе II Интернационала, и у нее возникло желание познакомить русских рабочих с его биографией, рассказать, как он вырос из простого пролетария в вожака трудящихся. Бартеңева хотела опубликовать о Бебеле брошюру и начала собирать необходимые материалы, прибегая к помощи зарубежных друзей. Но ссылка помешала ей завершить эту работу⁷⁴.

⁵⁹ Былое, 1906, № 12, с. 109.

⁶⁰ Пролетарская революция, 1923, № 2(14), с. 23.

⁶¹ Минувшие годы, 1908, № 11, с. 184.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 92, д. 10870, л. 33.

⁶³ А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 года. М. 1927, с. 136.

⁶⁴ Орехов А. М. Первые марксисты в России. М. 1979, с. 36.

⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 7-е д-во, 1893 г., д. 220, т. 1, л. 56.

⁶⁶ Пролетарская революция, 1923, № 2(14), с. 23.

⁶⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 92, д. 10870, л. 28.

⁶⁸ Пролетарская революция, 1925, № 7(42), с. 72—73.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 91, д. 10810, л. 43.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, 1891 г., д. 292, лл. 2—3.

⁷¹ Там же, д. 137, ч. 1, л. 4; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 92, д. 10928, л. 17.

⁷² Казакевич Р. А. Социал-демократические организации конца 80-х—начала 90-х годов. Л. 1960, с. 97.

⁷³ Пролетарская революция, 1923, № 2(14), с. 20.

⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 7-е д-во, 1889 г., д. 725, лл. 243об., 273, 287.

На рубеж 80—90-х годов прошлого века приходится еще одна страница революционной биографии Бартеңевой — руководство кружком, где впервые объединилась часть столичных работниц. Она знакомила их с произведениями Маркса, Чернышевского, Писарева, вела беседы по атеизму, рассказывала о встречах с руководителями международного рабочего движения. Зная Екатерину Григорьевну отмечали в ее характере общительность, жизнерадостность; она легко сходилась с молодежью, старалась не терять связи с друзьями. «Редко в жизни приходилось мне испытывать с такой силой ощущение, что в нашей среде находится прекрасная, благородная личность»⁷⁵, — писал о ней деятель венгерской социал-демократии И. Шварц. О ней сохранились самые добрые отзывы людей, восхищавшихся ее умом и деликатностью⁷⁶.

Вскоре власти выслали Бартеңеву из Петербурга и запретили ей проживать в крупных городах России. Более семи лет она отбывала ссылку в Пскове, но и там не прекращала общественной и публицистической деятельности, была близка к социал-демократам — будущим «искровцам». В. И. Ленин «по-видимому... знал и тех товарищей, которые часто встречались у высланной в Псков известной общественной деятельницы Е. Г. Бартеңевой», у которой «ссылыные и местные интеллигенты бывали каждый день, как в штаб-квартире»⁷⁷. Она не утратила контактов с петербургским революционным подпольем, в ноябре 1898 г. вместе с вернувшимся из ссылки сыном, как доносили полицейские агенты, участвовала в совещании «по поводу вновь предложенного к изданию революционного органа»⁷⁸, высказала готовность представить для этого издания свои мемуары и бралась помочь редакции, чтобы связаться с революционной эмиграцией.

По возвращении Екатерины Григорьевны на жительство в Петербург полиция выявила ее контакты с социал-демократами Е. Д. Стасовой, М. Д. Лихтенштадт, П. И. Лепешинским, А. М. Стопани, И. И. Радченко; последний был известен властям как «представитель заграничного комитета «Искры»»⁷⁹. Скончалась Бартеңева в 1914 г. после длительной болезни. К сожалению, в настоящее время обнаружить ее могилу в Ленинграде не удалось из-за отсутствия архивов захоронения бывшего Новодеревенского кладбища. Таковы некоторые новые факты о жизни и деятельности одной из русских революционерок.

⁷⁵ Там же, л. 280.

⁷⁶ ГПБ, Архив Дома Плеханова, ф. 352.

⁷⁷ Новиков В. И. В. И. Ленин и псковские искровцы. Л. 1972, с. 26.

⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 825, ч. 2—3 «А», лл. 187 об.—188.

⁷⁹ Там же, 1901 г., д. 825, ч. 10 «А», л. 49.

Все материалы о Парижской коммуне 1871 года:
мемуары, свидетельства, документы, исследования,
публицистика, поэзия, аудио- и видеоматериалы
<http://istmat.info/node/28030>